
В. В. ПРУДНИКОВ

**ОБРАЗ ЛАНГОБАРДОВ В ХРОНИКАХ
НОРМАННСКИХ АВТОРОВ XI–XII ВВ.
(Часть II)***

В данной статье исследуются вопросы, связанные с проникновением норманнов в Средиземноморский регион. В частности, наибольшее внимание уделено проблеме формирования образа лангобардов в норманнской традиции. Автор выражает надежду, что данное исследование даст ключ к пониманию причин столь впечатляющих успехов норманнских завоеваний не только в Европе, но и в сопредельных регионах Азии и Африки.

Ключевые слова: норманны, лангобарды, норманнские авторы, Южная Италия.

Уход норманнов не уничтожил назревавших противоречий в лангобардском мире – между Гваймаром и теми гастальдами, которые стремились воспрепятствовать военной экспансии норманнов.

После норманнских завоеваний в Апулии (40-е гг. XI в.) можно было позабыть о равновесии сил в Южной Италии и за ее пределами. Гваймар очень хорошо это понимал, поэтому он стремился объединить под своей властью все норманнские анклавы. Однако в глазах последних милость князя сулила уже куда меньше, чем возможность самостоятельных завоеваний. «И такое свершив, перебрались они в Апулию. Но зная коварство князя Гваймара, к нему не спешили, но опустошая провинцию, решили на совете ее себе подчинить» (Malaterra 1928: 12).

И все-таки одну попытку ему сделать удалось: после того как Аргир оставил норманнов, Гваймар предложил им снова пойти к нему на службу и возглавил их поход на Бари. После этого норманны избирали своими предводителями одного за другим братьев Готвилей. В 1052 г. князь Гваймар погибает от рук собственных родственников и чиновников, тех самых «лангобардов», которых Малатерра называл «коварнейшим племенем».

---

* Первая часть статьи была опубликована в № 1 журнала «Историческая психология и социология истории» за 2021 г., с. 147–165.

Малатерра не упоминал об этом событии, хотя, если судить по приведенному выше тексту, несомненно, знал об этом. Вероятно, что его оценки лангобардов в отличие от представителей семьи Готвилей были более предвзяты и враждебны. Амато, монах монастыря Монтекассино, подробно говорит о смерти Гваймара, а также о том, что его сын Гвидо обратился к братьям, уже владевшим к этому времени Апулией, как к «вассалам» князя Гваймара, с требованием отомстить за своего «сеньора». И норманны продемонстрировали, что не забыли о своем долге, и пришли в Салерно, чтобы наказать убийц своего господина.

В 1051 г. гастальды попытались остановить экспансию норманнов в Апулии. Вот как это событие описывает Малатерра: «Лангобарды же апулийцы племя всегда коварнейшее, по всей Апулии при видимости спокойствия замышляли, как бы всех норманнов в один день истребить. В установленный день, когда граф Дрого пребывал в замке Монте-Олеи, который в простонародье зовется Монтолиум, по своему обычаю, на рассвете перед отъездом, в церковь поспешил. Когда уже в церковь вошел, некто по имени Рифус, его дружинник и давший клятву верности союзник, за дверью прятался. Союз нарушил, оружие на графа поднял. И много из тех, кто с графом, убиты были, но большинство бегством спаслось. По многим местам Апулии таких предательств во множестве у дверей подстерегало. Но скоро Абагелярд, разгневанный убийством брата, честь свою восстановил. Замок, которым его брат владел, вновь построил, а норманнов, которые опасностей предательства избежали, под свою руку принял. К мести за убийство брата приступил. Замок, где его брат был убит, долгое время осаждал и, наконец, захватил. Убийц брата, со всеми их родственниками, различными способами и жестокостями пытал. Их кровью гнев и горе сердца своего в какой-то мере унял» (Malaterra 1928: 14–15).

Из текста Малатерры следует, что норманны ощущали себя на краю катастрофы. Под их ногами в буквальном смысле начинает гореть земля. Они столкнулись с хорошо организованным сопротивлением. Те, кто еще совсем недавно были партнерами и союзниками норманнов в деле изгнания византийцев из Южной Италии, неожиданно превратились в злейших врагов. Причину сопротивления «лангобардов» норманны склонны видеть в «завистливости» к их успехам. Автор, имя которого неизвестно, но норманнские симпатии которого очевидны, пишет: «Множество лангобардов, которых во всяком районе всегда зловердных составляют большую

и неизменную величину, завидуя доблестям и благополучию норманнов, истребить их по всей Апулии скрытно сговариваются» (Anonymus Vaticanus 1723: 834).

Очевидно, что во главе этих восстаний стояли гастальды, чиновники местного административного управления, в глазах которых власть норманнов не могла быть легитимной, так как для них единственной легитимной властью могли быть только правители лангобардских княжеств. Так норманны неожиданно для себя столкнулись с неразрешимой проблемой. Убийства графа Апулии Дрого и князя Салерно Гваймара стали прелюдией открытого выступления «лангобардов» против господства норманнов.

«Апулийцы же, еще одного предательства не совершив (убийство Дрого. – *В. П.*), скрытно отправили послов к папе Льву IX. Просили его, чтобы Апулию под свою юрисдикцию взял, как это было во времена его предшественников на святом престоле. Против норманнов ему свою помощь предложили – мужей не воинственных, слабых, но в большом количестве. Он, как водится, уговорам поддался, но поскольку был человеком умнейшим, войско алеманнов себе от императора вытребовал и, надеясь на поддержку лангобардов, выступил.

Граф же, движимый честью, предпочитая с честью жизни лишиться, чем с позором умереть и честь потерять, отважно навстречу врагу войско двинул. В боевом порядке своих в битву повел. При первом столкновении, как обычно бывает, началась сумятица. Лангобарды, охваченные страхом, желая спастись, ударились в бегство. Алеманнов одних в сражении бросили. Алеманны, сражаясь с ожесточением, не желали отступить, кроме как с оружием, победоносными норманнами, в наказание за свое упорство все до одного были перебиты» (Malaterra 1928: 15).

Вслед за этим норманны вынудили папу принять у них вассальную клятву на Апулию и тем самым закрепили за собой все завоеванные ими территории.

Отчаянное сопротивление норманнов имело в основе некий практический расчет на поведение лангобардов в бою. Не случайно Малатерра постоянно говорит о «видимости спокойствия», когда «лангобарды» замыслили очередное «предательство» в их манере действовать скрытно, исподтишка. Они не отваживались на открытое выступление и предпочитали бороться чужими руками, дорожа собственной жизнью. Эта мысль красной нитью проходит через все оценки лангобардов в хрониках Малатерры и Ордерики Виталия. Именно такое поведение лангобардов окрыляло норманнов надеж-

дой на победу в сражении и установление господства над ними. Эта идея хорошо прослеживается на примере поведения в битве лангобардов и германцев. Если первые, «желая спастись, ударились в бегство», то вторые предпочли погибнуть, но не сдаваться. Норманны очень хорошо осознавали, что тех, кто ценит жизнь выше доблести, можно заставить смириться и принять чуждое им господство.

Норманны нуждались в лангобардах. Они нуждались в созданной последними в Южной Италии хорошо отлаженной административной системе управления. Предатель Рифус был лишь одним из многих лангобардских союзников норманнов в Апулии. Малатерра упоминал, что брат Гунфреда Абагелярд правил, опираясь на «советы апулийцев и норманнов». Анонимный автор каталога правителей Капуи говорит, что Ричард правил в Капуи «по совету лангобардов». Но единственным путем добиться лояльности от членов этой административной системы было занятие места лангобардских правителей в этой системе норманнами. А это могло произойти только при заключении браков с членами лангобардских княжеских семей.

Две дочери Гваймара стали женами основателей норманнских династий: Роберта Гвискара в Салерно и Джордана, сына Ричарда, в Капуе. Лангобардский княжеский дом тесными узами был связан с новыми норманнскими правителями. Возможно, что наследник Гваймара Гизульф надеялся с помощью браков с норманнскими правителями Апулии и Капуи осуществить планы Гваймара и добиться возвышения Салернского княжества.

Насколько это было вынужденной мерой, говорит тот факт, что норманнские хронисты очень сдержанно отреагировали на заключение брака между Робертом Гвискаром и Сигельгаитой. Малатерра сначала подробно описывал добродетели бывшей норманнской жены Роберта Гвискара Алверады, с которой он развелся, а затем мельком упомянул новую лангобардскую жену Роберта (Malaterra 1928: 22).

Более того, лангобардские родственники Роберта Гвискара воспринимались норманнскими авторами опасными противниками в борьбе за власть. Малатерра считал, что сын Гваймара и его наследник Гизульф «по отношению к герцогу враждебно настроивал всех его приближенных, которых мог убедить, безобразные обиды, враждебности к нашему племени не скрывал» (*Ibid.*: 58).

Амато из Монтекассино красноречивее, чем Малатерра, создает «враждебный» Роберту образ князя Салерно Гизульфа, который якобы не раз говаривал, что желал бы увидеть свою сестру Сигельгаиту вдовой.

Вильгельм Апулийский говорит, что сначала Гизульф не хотел отдавать свою сестру за Роберта «не потому, что мог найти кого-либо могущественнее или знатнее... но потому, что галлы казались ему свирепым, варварским и жестоким племенем, с душой бесчеловечной» (Guillermi Apuliensis... 1851: 262). Лангобардские и норманнские авторы едины в том, что Гизульф не принимал ни Роберта, ни норманнов в целом. Но тем не менее он отдал за него свою сестру и несколько лет ничем не препятствовал Роберту. Нет ли здесь проявления тех черт, которые норманны считали характерными для лангобардов: стремления избегать открытых столкновений, достигать своих целей с помощью коварства и предательства? В лицо своему врагу говорить приятные тому вещи, демонстрировать добрую волю к сотрудничеству, а в нужный момент нанести удар в спину? Насколько данный образ близок к реальности, судить трудно, но, безусловно, именно такими представляли себе лангобардов норманны.

Если до 1072 г. Роберт Гвискар мирился с «враждебными» намерениями Гизульфа, то после того как пал последний оплот византийцев в Апулии город Бари, он захватил Салерно и сделал этот город столицей своего герцогства. Взятых после захвата Салерно Гизульфа и его родственников Роберт отпустил на все четыре стороны.

Даже сама Сигельгаита, жена Роберта Гвискара, была заподозрена Ордериком Виталием в намерении захватить власть с целью оставить герцогскую власть за своим сыном Рожером Борсой и отравить Боэмунда – сына Роберта от норманнской жены. Он повествует об этом семейном конфликте, вероятно, со слов Боэмунда. Поэтому оценки Сигельгаиты и ее сына Рожера у Ордерика Виталия крайне негативны.

«Сигельгаита, дочь Гваймара, герцога Салерно, и сестра Гизульфа, который лишился герцогства. Эта женщина испытывала враждебность к своему пасынку Боэмунду, опасаясь его, так как он был сильнее, чем ее сын Рожер, и великолепен в правосудии и доблести. Из-за него Рожер мог лишиться герцогства Апулии и Калабрии, которое должно было перейти к нему по наследству. Поэтому она приготовила смертельный яд и отправила его медикам Салер-

но, среди которых она выросла и от которых научилась великому искусству готовить яды. Получив его, они поняли, что ждет от них госпожа и ученица, и дали смертельный яд Боэмунду, о котором они должны были заботиться. После того, как он принял его, он почувствовал, что скоро умрет, и немедленно отправил посланца к отцу сообщить о его состоянии.

Хитрый герцог тут же догадался, что это злые козни его жены, и послал за ней. С тяжестью на сердце он спросил ее: “Выживет ли мой господин Боэмунд?” На что она ответила: “Я не знаю, мой господин”. “Принеси мне”, – он сказал, – “Евангелие и меч”. Когда это было доставлено ему, он взял меч и поклялся на святых книгах в следующих словах: “Слушай, Сигельгаита, этим Евангелием я клянусь, что если мой сын Боэмунд умрет от болезни, что приключилась с ним, этим мечом я убью тебя”» (Orderici Vitalis... 1855: 524–525).

После этого, испуганная ужасной клятвой, Сигельгаита приготовила противоядие и спешно отправила медикам в Салерно, которые были лишь орудиями в совершении убийства, заранее отправив к ним посланника с просьбой спасти ее из опасного положения. Когда медики услышали, что коварство раскрыто и их госпожа избалована, они приложили все свои силы и искусство, заботясь о юноше, которому вредили. С помощью бога, который предназначил его для сокрушения турок и сарацин, врагов христианской веры, больной выздоровел. Но в результате принятого им яда на всю жизнь его кожа оставалась бледной.

Тем не менее изобретательная и коварная женщина не знала, что и думать. С ужасом она представляла себе днем и ночью, что ее посланец, отправленный через море, погибнет, или больной умрет до его прибытия, и она умрет от руки мужа, как он и поклялся. Поэтому она составила другой план, еще более жестокий и греховный. Какой ужас сказать об этом: она решила отравить собственного мужа. Как только он начал слабеть, она созвала своих сторонников и остававшихся лангобардов и под покровом ночи отправилась к берегу, где со своими приверженцами села на самые быстроходные корабли. Для того, чтобы предупредить погоню норманнов за ней, она предала сожжению оставшиеся корабли.

Как только она достигла Апулии, некий рыцарь из ее окружения незаметно ускользнул и ночной порой прибыл в Салерно. Разыскав спешно Боэмунда, он сказал ему: «Немедленно вставай, беги и спасай свою жизнь». Когда же Боэмунд спросил его о при-

чине, посланник ответил: «Твой отец умер, и твоя мачеха в Апулии, она явится так быстро, как только сможет, чтобы убить тебя». Более не медля, Боэмунд, поднятый этими тревожными новостями, тайно покинул город верхом на осле. К Иордану, князю Капуи, родственнику своему, бежал, у которого встретил дружелюбный прием. Таким образом, он избежал ловушек и хитрых уловок своей мачехи. Она же, прибыв в Салерно и найдя, что намеченная ей жертва улизнала, была немало этим посрамлена. Ее же сын Рожер, по прозвищу Борса, вступил во владение обширнейшим герцогством по праву наследования» (Orderici Vitalis... 1855: 525).

Ордерик Виталий не добавляет ничего нового к уже известному нам образу лангобардов. Новым в этом тексте является противопоставление друг другу сыновей Роберта Боэмунда и Рожера Борсы. Если Боэмунд воспринимается в соответствии с культурной традицией как норманн: его родители оба норманнского происхождения, его поведение считалось эталоном поведения норманнского рыцаря, Рожер Борса воспринимается Ордериком по-иному, чем Боэмунд. Наполовину он уже лангобард, по словам Ордерика, по своим качествам он уступал Боэмунду. Если идеалом норманнского аристократа было приобретение регалий власти не путем наследования, а военной силой, то Рожер Борса, вступивший «во владения обширнейшим герцогством на правах наследования», не мог соответствовать этому идеалу.

Подобное восприятие Рожера Борсы мы встречаем и у других норманнских авторов. Так, Малатерра выражает недоумение по поводу действий Рожера в отношении лангобардов, которые казались ему крайне недальновидными.

«Герцог Рожер в юности имел чистую душу и дурных подозрений против кого-либо не питал, но со временем образ его мыслей изменился. Лангобардов наравне с норманнами, которые были из его родных мест и одного с ним племени, сделал своими вассалами. И племя их, нашему племени враждебное, все меньше и меньше от нашего отличал. Защиту своих замков им поручал, а не норманнам» (Malaterra 1928: 102).

«Таким образом, свою власть ослабив, и меньше всего этого ожидая, так же в отношении Амальфи поступил. Амальфитяне городом и замками, которые возвел Роберт Гвискар, чтобы от их коварства защищаться, по желанию своему распорядились. И чтобы не упустить случая обрести свободу, посредством обмана ярмо народа нашего и герцога, поскольку он обычаев наших придержи-

вался, от себя изгнать. Ни выplat, ни службы не исполнять. Более того, при приближении самого герцога к этому городу он был брошен всеми своими вассалами, которые дерзко ему в проходе отказывали» (Malaterra 1928: 102).

Если в данном случае следовать за Малатеррой, то становится понятно, что норманны в большей степени стремились навязать лангобардам свои правила и в меньшей степени следовать их обычаям. Ни о каком равенстве между норманнами и лангобардами не могло быть и речи. Причину восстания Амальфи он склонен приписывать доверию, которое Рожер Борса начинает оказывать лангобардам в ущерб родным для него норманнам. Такую перемену в поведении Рожера Малатерра объясняет некой нравственной метаморфозой, после которой Рожер якобы начинает доверять больше лангобардам, чем норманнам. Эти рассуждения Малатерры можно продолжить мыслью о том, что для Рожера лангобарды, для которых в свою очередь он являлся потомком Гваймара, то есть лангобардом по материнской линии, были намного ближе и роднее, чем норманны.

Не случайно именно при дворе Рожера Борсы появляется некий Вильгельм Апулийский, который посвящает ему свое сочинение «Деяния Роберта Гвискара», в котором пытается доказать, что норманны и лангобарды составляют «племя одно и единое». Вильгельм Апулийский был не только придворным Рожера Борсы, но также юристом, то есть чиновником, непосредственно связанным с административным управлением.

Все перечисленные факты указывают на процесс интеграции, который происходил при дворе Рожера Борсы, образование некой общности, при которой различия между лангобардами и норманнами воспринимались без враждебности, а с уважением. Само разделение на две группы с установлением политической гегемонии норманнов теряло всякий смысл.

С другой стороны, у норманнов, которые никак не были связаны с лангобардами, этот процесс интеграции не вызывал ничего, кроме вражды и настороженности. Им все еще казалось, что «лангобарды скрытно готовятся всех норманнов по всей Апулии в один день перебить» (*Ibid.*: 14).

Таким образом, процесс взаимодействия норманнов с лангобардами в Южной Италии можно охарактеризовать как крайне нестабильный и напряженный по причине такого фактора, как постоянный приток некомпетентных в межкультурном общении эми-

грантов из Западной Европы, что всякий раз вызывало к жизни стереотипы, возникшие при первых контактах, затрудненность передачи традиций межкультурного взаимодействия от одного поколения другому. Все эти факторы влияли на возникновение неоднозначных результатов межкультурного взаимодействия норманнов и лангобардов.

С конца XI в. лангобарды упоминаются норманнскими авторами как участники Первого крестового похода. Независимо от норманнов он упоминается в первой волне крестоносцев, ведомой Петром Пустынником. «Множество ломбардов пришли, и лангобардов, и аллеманнов». Синонимом термина «лангобарды» у Ордерика Виталия служил термин «лигурийцы». Аноним упоминает «франков», «лангобардов» и «алеманнов». Интересно, как оба норманнских автора объясняли причину отделения «лангобардов» от «франков». Если Аноним объяснял это разделение страхом «лангобардов», что «франки» станут во главе похода, то Ордерик – следствием того, что «франки были более свирепые и более необузданные, из-за чего были склонны к преступлению».

Ордерик Виталий, который сам не был участником первого крестового похода, использует термин «лангобарды» наряду с терминами «апулийцы» и «италийцы» для обозначения контингентов, которыми командовали Танкред и Боэмунд. Из чего можно заключить, что Ордерик имеет в виду население Южной Италии вообще, принявшее участие в походе.

Биограф Танкреда Рауль Канский в составе войска Боэмунда Таренского вслед за норманнами упоминает лангобардов.

«Сначала, конечно, Нормандия предоставила ему (Боэмунду. – В. П.) рыцарей, а Лангобардия пешее войско: норманны, которые побеждают, лангобарды, которые количеством поддерживают и увлекаются в войну. Из этого народа один воюющий, другой идет прислуживать. А для того, чтобы и тот и другой воевали, необходимо еще двое слуг, и то двоих будет мало» (Radolfus Cadomensis 1854: 499).

В данном тексте Рауль для определения «лангобардов» использует не термин «gens» (племя), а «populus» (народ), что указывает на восприятие им лангобардов не как политической группы, а как в первую очередь этнической группы: народа, населяющего Южную Италию и существенно отличающегося от норманнов. В пользу этого говорит использование им византийского названия Южной Италии – «Лангобардия».

Их характерными особенностями он считает: манеру сражаться пешими, многочисленность, зависимость в бою от норманнских рыцарей. Ничего, кроме их военных качеств, Рауля в лангобардах не интересовало, хотя, без сомнения, они составляли большую часть войска Боэмунда.

Другой норманнский хронист Первого крестового похода, про которого мы знаем только, что он принадлежал к свите Боэмунда, упоминает лангобардов как верных помощников Боэмунда, которые проявили себя при осаде Антиохии. Так, в эпизоде захвата трех башен, когда Боэмунд не решался подняться на Антиохийскую башню, «некий слуга лангобард спустился вниз и поспешил как можно быстрее к Боэмунду, сказал: “Чего ждешь, достопочтенный муж? По какой причине медлишь? В наших руках уже три башни”. Двинулся он (Боэмунд. – *В. П.*) с другими, и все вместе с радостью стали карабкаться по лестнице» (Anonimi... 1924: 106).

Ордерик Виталий, который использовал труд этого автора при создании «Церковной истории», дополняет этот эпизод тем, что называет лангобарда по имени: Паганус, который первым вскарабкался на башню, а затем обратился к Боэмунду с упреками в нерешительности и призывом к действиям (Orderik Vitalis 1855: 680). Таким образом, при описании захвата Антиохии в отношении лангобардов снимались все стереотипы эпохи завоевания Южной Италии, и они выступают наравне с норманнами и даже превосходят их в храбрости и решительности.

Сами норманны на рубеже XI–XII вв. уже не чувствовали себя пришельцами в Южной Италии. Малатерра говорит, что, придя в Апулию, он стал «апулийцем», а затем «сицилийцем» (a transmontanis partibus veniens, noviter Apulus factus) (Malaterra 1928: 3). Фульхерий Шартрский называет Боэмунда «апулийцем, а по происхождению (natione) же норманном» (цит. по: Boehm 1969: 656). В восприятии сицилийского автора Гуго Фальканда вся знать Апулии, независимо от их этнического происхождения, суть «апулийцы». Эти примеры говорят о том, что деление на «норманнов» и «лангобардов» утрачивает свое прежнее значение. Независимо от своего этнического происхождения они воспринимались друг другом как «апулийцы», если они проживали в Апулии.

Однако стереотипы и предубеждения в восприятии лангобардов еще долго продолжали существовать при первых норманнских правителях Сицилии. Графы и короли норманнской династии оказывали большее доверие норманнам и «трансальпийцам».

Под «трансальпийцами» (*transalpinos* или *transmontanos*), как правило, подразумевались все те жители Западной Европы, которые попадали в Южную Италию и Сицилию «через Альпы». Норманнский историк при дворе сицилийских монархов, автор «Истории Сицилийского королевства» Гуго Фальканд отмечал, что граф Рожер, ставший герцогом Апулии, а затем королем Сицилии, «мужей, или в советах полезных, или в войне прославленных, вознаграждал, в придачу к их доблестям бенефиции предложил. Преимущественно трансальпийцев избирал, из которых природных норманнов выдвинул и знал как французское племя, всех остальных в военной славе обогнавшее, более всех других ценимое и уважения достойное» (Ugo Falcando... 1897: 6).

Столь явное предпочтение, оказываемое «трансальпийцам», не могло не сказываться на отношении к другим народам, находившимся под эгидой сицилийских монархов. «Трансальпийцы» доминировали в курии (*Ibid.*: 93) и пользовались ее защитой, чтобы «несправедливо дразнить» лангобардов. Фальканд говорит о множестве «*clientuli*», хлынувших из «Франции и Нормандии», которые «в соответствии со своим нравом, в оскорбительных словах и проклятиях, своевольно злоупотребляя покровительством курии, называли греков и лангобардов предателями, множество раз их несправедливо дразнили» (*Ibid.*: 133).

Чем было вызвано столь явное предпочтение, оказываемое «трансальпийцам» при дворе первых правителей Сицилии? Почему они ценили их больше, чем «лангобардов» или «греков»? Ответ на этот вопрос кроется в завоевательном характере политики правителей норманнской династии Сицилии. Начиная с 60-х гг. XI в. до середины XII в. норманнские правители нуждались в военной аристократии, для того чтобы вести активные завоевания. За этот период графство Сицилия и Калабрия в ходе бесконечных завоеваний превратилось в королевство Сицилия, куда, помимо собственно Сицилии, вошла вся Южная Италия. Это политическое образование включало в себя пестрое население, принадлежавшее к различным народам и конфессиям.

В середине XII в. происходят политические события, которые резко изменили социальный уклад Сицилийского королевства. Фальканд, хорошо сознавая их значение, подробно описал их в своем труде, охватывающем всего несколько лет из истории Сицилийского королевства. Основной тенденцией этих событий была смена сицилийскими монархами политического курса с завоеваний

на строительство централизованного государства. В результате сознательной политики сицилийских королей норманнская военная аристократия потеряла политическое влияние, и ей на смену пришел разветвленный бюрократический аппарат, состоявший из «лангобардов», «греков» и «мусульман».

Архиепископ Ромуальд Салернский в своем «Хрониконе» изображал этот процесс так: будто бы король Рожер II, не занимаясь более вопросами «союзов и войн», «для королевства своего предпочел мир и спокойствие». Вместе с тем он посвящал свое время заботам о строительстве дворца и парка в Салерно. Управление же государством поручил «греку» Георгию Антиохийскому, а затем уроженцу города Бари Майону. Из этого следует, что при выборе на первые должности в государстве Рожер II руководствовался уже не стереотипами эпохи завоевания, а государственными интересами. При этом наблюдается тенденция самоустранения короля от непосредственного управления, который все больше перепоручал это своим чиновникам.

Потомки норманнских военных аристократов пытались отстаивать свои привилегии, но безуспешно.

«И уже те сильные мужи, которые считали, что адмирал (Майон. – *В. II.*) не посмеет им ничего сделать, были уже или в темнице, или в изгнании. Все королевство пребывало в состоянии смятения. Видели, что Майон остается в силе, и больше не было способных или желающих ему противоречить. В довершение тех, кого считал опасным для себя, не переставал преследовать.

Но, действуя, таким образом, надеялся легче своего добиться, прежде заручившись любовью народа. И если близким своим и родственникам значительные должности достанет в королевстве, то сумеет с их помощью преодолеть превосходство знати. Симона же, брата своей сестры, сенешалем всей Апулии и Терре Лаборис магистром капитаном сделал. Брата своего Стефана адмиралом флота назначил. А сам, между тем, туземцам щедро дары раздавал, всем давал с легкостью. Послам, откуда бы они ни приходили, многие почести обещал. Отважных в военном деле рыцарей, как лангобардов, так и трансальпийцев, без разбора во множестве себе щедростью привлекал. И клириков также, обещая им более пышные почести и высокие достоинства» (*Ugo Falcando... 1897: 23–24*).

Таким образом, в борьбе против военной аристократии Майон не довольствовался одной поддержкой короля, но стремился зару-

читься поддержкой всех, кого только было можно привлечь, в том числе и «лангобардских рыцарей».

Реакция военной аристократии не заставила себя долго ждать. И вскоре Майон был убит Матфеем Бонеллем, принадлежавшим к известной фамилии норманнских баронов. Эта акция ни к чему не привела. По словам Гуго Фальканда, Матфей Бонелль и все его приверженцы объявлялись вне закона и именовались не иначе как «предателями». После смерти Рожера II представители знатнейших семей обратились к его сыну и наследнику с просьбой о восстановлении прежнего положения в королевстве.

«Ведь и король же, если все совершенное им тщательно рассмотрел бы, то сильно, должно быть, удивился бы, что знать королевства, словно в рабство им обращенное, столь долго будет с таким обращением мириться. Что за все совершенное им, многими несправедливостями побуждаемая, наконец, столько непереносимого горя испытал, будет негодовать. Несчастнейшими почитают себя уже потому, что на условиях существования рабов принуждены детей своих безбрачными дома оставлять. Ведь не только как, по решению курии, брак между ними можно заключить. А решения этого настолько тяжело добиться, что когда кому-то удастся его получить, то в таком преклонном возрасте, что и не надеются на появления у них потомства. Другие же обречены: хранить девственность до кончины своей без надежды на супружество.

Теперь же благородным мужам всего королевства, и самому с ними (Матфею Бонеллю. – *В. П.*), того у короля просить, того требовать, чтобы эти и другие гибельные законы были отменены, а те восстановить законы, которые родственником его, дядей Рожером графом от Роберта Гвискара прежде введенные, соблюдались, и настоятельно просить соблюдать впредь» (Ugo Falcando... 1897: 64–65).

Бароны Апулии и Сицилии поднимали восстания против королевской власти. Их поведение Фальканд комментирует в следующих словах. «Тогда апулийцев племя очень непостоянное, свободу обрести напрасно желающее, которую ни достигнуть, ни удержать, неспособны. Так как и не сильной войной хотят достигнуть, и не в мире и спокойствии пребывать. Оружие собирают, союзников привлекают, замки укрепляют. Другие, уже долго в мире пребывавшие, сверх всяких ожиданий, одному непостоянному позволяют себя увлечь в войну» (*Ibid.*: 14).

«Апулийцы» и знать Сицилии часто действовали заодно против королевской власти. Так, они поддерживали Роберта, графа Лорителло, который был родственником Вильгельма I и обладал правами на трон Сицилийского королевства. Однако поддержка «апулийцев» пользовалась очень дурной репутацией у современников. Гуго Фальканд пишет, что Вильгельм I высадился в Калабрии и захватил «мощнейшую» крепость Таберну, Роберт, не надеясь более на поддержку феодалов Апулии, поспешил покинуть пределы королевства.

«Когда же было сообщено графу Лорителло о том, что против всех ожиданий и надежд Таберна захвачена и разрушена, он, боясь ненадежных в верности лангобардов, в чем часто имел возможность обрести уверенность, благодаря пережитым во множестве опасностям и ущербу, решил конное и пешее войско, которое по численности превосходило войско короля, оставить. Предпочитая уйти, чем с ненадежными рыцарями (*infidis militibus*) испытывать военную удачу» (Ugo Falcando... 1897: 77).

Объяснение тому, кого именно Фальканд подразумевает под лангобардами в данном случае, можно отыскать у Ромуальда Салернского, который почти в тех же словах говорит о «баронах Апулии».

«Услышав об этом (разрушении Таберны), граф Роберт, который тогда у Салпы (*Salpas*) со своим войском пребывал, боясь того, что бароны Апулии, что у них обычным делом почиталось, бросят его одного, в Аbruции вернулся» (Romualdi Salernitani... 1914: 251).

Таким образом, становится ясно, что под «лангобардами» Фальканд в данном случае понимает знать Южной Италии как некую социальную и политическую силу, которая по своим особенностям отличается крайней нестабильностью и невозможностью ее проконтролировать.

Но имел ли термин «лангобарды» этническое значение в понимании Фальканда? По всей видимости, да. В середине XII в. знать Апулии действительно могла быть в основном «лангобардской» по крови, хотя и носила при этом норманнские имена. Они приняли решение жить вместе с норманнами, принять их владычество, но не забывая о том, кем они являлись до норманнов, чтобы со временем перевоспитать своих норманнских правителей и наверстать упущенное. Именно в таком намерении, вероятно, подозревали их Малатerra и Ордерикус Виталий, когда противопоставляли Роберта

Гвискара и его сына от первой норманнской жены Бозмунда как истинных норманнов, а лангобардскую жену Сигельгаиту и ее сына от Роберта Рожера Борсу как их противников. Тем, «прислужникам» норманнских правителей, которые прибывали к ним из Франции и Нормандии, это казалось настолько очевидным, что они называли лангобардов предателями.

Именно причиной конфликтов между вассалами короля Фальканд считает эту вражду между норманнами и лангобардами. Так, он говорит о стремлении некоего Джентилья, епископа Агриджентского, занять более высокое место в курии. С этой целью он добивался изгнания из действующих членов курии нотариуса Матфея, который был избран в курию от Сиракуз. Матфей был выходцем из одной лангобардской семьи Салерно. Ромуальд Салернский говорит о нем, что он был человеком «умным и разносторонним, получившим воспитание при королевском дворе, в королевских делах верностью отличался» (Romualdi Salernitani ... 1914: 253).

«В это время пребывали в курии Палермо архиепископы Ромуальд Салернский и Рожер Рединус и епископы Джентиль Агриджентский и Тостин Мазариенский. В свое время епископ Джентиль Агриджентский, сумев внушить королю страх пред богом, и религиозным сумраком его окружив, под этим покровом гонялся за народной похвальбой и славой. Пользуясь покровительством короля, он долго жажду славы свою удовлетворял. После кончины короля свое влияние утратил, оказавшись не у дел, стал стремиться к разнузданной жизни. Созвал рыцарей и стал проводить время с ними в частых и роскошнейших пирах и празднованиях. Между тем во время угощений он всегда со своими приятелями вел многочисленные разговоры о делах, известнейших всем. При этом он дерзко врал, и те родственники, которые знали его хорошо, открыто над ним смеялись, а те, кому доводилось мало с ним до этого общаться, удивлялись столь бесстыдной лжи епископа. Когда же он начал о своем роде и своих удивительных деяниях говорить, то поклялся себе, что если бы он стал фамилиярием в курии, то утер бы носы своим родственникам (букв.: побрил бы бороды. – В. П.). Но не тем только, что, имея под собой нотариев, хостиариев и прочих официалов курии, на этом месте сможет грабить кого угодно и изгонять, но получит несомненной величины выгоду и всеохватывающую. И избранного от Сиракуз стремился низвергнуть. Во многих к нему разжигал ненависть, и народ и вышестоящие с его мнением были знакомы. С наивысшим усердием разведывал и разузнавал, в каком

случае можно кого-либо из курии изгнать. Возненавидев же его, его единственным препятствием к осуществлению желаемого считал и в этом деле божественное себе в помощь привлекал. Стремился заручиться поддержкой архиепископа Палермо. Этому же архиепископа Регино, человека жадного и алчного, который ради сбережения своего состояния охотно на чужие пиршества зарился, душу против избранного от Сиракуз озлоблял. Архиепископ Салернский душу его ядом отравлял, говоря, что превосходство избранного от Сиракуз терпеть более невозможно. Мол, довольно ему грабежами бедняков и многими беззакониями набивать себе мошну деньгами, что и самим епископам надо его в скором времени опасаться. Под таким давлением стал наконец понимать, что от него хотят, и стал думать, кого из более-менее значительных фамилияриев курии можно изгнать. Заупрямился, стал взвешивать каждое слово, так как никого из своих подчиненных не презирал и всех считал достойными этой чести. Изгнать же нотариуса Матфея его было нетрудно убедить, поскольку к этому не только союзниками своими побуждался, но и давней завистью к избранному от Сиракуз руководствовался. Однако тайно без огласки он свою помощь пообещал. Поскольку придерживался того, чтобы без чрезмерной жестокости одержать над ним победу, внезапно, якобы без явной причины на него напасть.

В действительности же, под всей вышеописанной к нему их личной враждой, скрывалась некая другая причина, которой было вполне достаточно, чтобы возбудить у них ненависть против избранного от Сиракуз. Ибо говорили, что господство Трансальпийского племени, и до сего времени властью в курии наделенное, пользуясь доверием и дружбой королей лангобардов, безнаказанно озлобляло бы, в последующем из курии целиком изгнано будет, если прежде избранного изгнать не попытается. Им действительно сразу и навсегда изгонялось, но не из его племени, которое в курии оставалось, и (не племени) самого короля, чтобы когда это разделение произойдет, то тех фамилияриев, бывших в курии, среди которых был воспитан и с которыми общался долго и привычно, у которых учился, на должности в курии возвести, а не чужеземцев и пришельцев, к обычаям которых относился с отвращением» (Ugo Falcando... 1897: 91–93).

Вышеприведенный пример ясно показывает, что при дворе сицилийских монархов сформировалась некая субкультура, для которой уже не имеет значение разделение на норманнов и лангобар-

дов, а проводится разделение на тех, кто вырос и был воспитан на Сицилии, и тех, кто пришел с другой стороны Альп. Разделение на норманнов и лангобардов продолжало существовать только в представлении тех, кто недавно пришел в Сицилийское королевство из других стран, которых Фальканд часто именовал «трансальпийцами».

Как же тогда быть с архиепископом Ромуальдом Салернским, который, как и нотариус Матфей, принадлежал к знатной лангобардской семье Салерно и которого нельзя назвать «трансальпийцем»?

По всей видимости, у него были свои причины ненавидеть Матфея, так как он ни разу не обмолвился о Матфее как своем земляке и спасение Салерно от разрушения королем Вильгельмом I склонен приписывать больше чудесам апостола Матфея, покровителя Салерно, а не стараниям тезки апостола, который, по данным Фальканда, упросил короля не разрушать город.

В то же время Ромуальд воздерживался от нападков на Матфея и ни словом не упомянул о своих враждебных намерениях в его отношении в своем «Хрониконе». Во всяком случае, вряд ли в основе этой вражды лежали какие-либо межкультурные различия. Ко всему прочему Ромуальд не прибегает к разделению на норманнов и лангобардов, из чего можно заключить, что он либо его не видит, либо сознательно не замечает.

Литература

Anonymi Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum / ed. by B. A. Lees. Oxford: Clarendon Press, 1924.

Anonymous Vaticanus. 1723. *Historia Sicula*. In Caruso, G. B. (ed.), *Biblioteca historicaregni Siciliae, sive historicorum, qui de rebus Siculis a Saracenorum invasione usque Aragonensium principatum illustriora monumenta reliquerunt, amplissima collectio 2*. Palermo, pp. 829–859.

Boehm, L. 1969. *Nomen gentis Normannorum. Der aufstieg der Normannen im spiegel der Normannischen historiographie. I Normanni e la loro espansione in Europa nell'ato medioevo*. Spoleto: Presso la Sede des Centro, pp. 623–704.

Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi, ed. R. Wilmans. 1851. In Köpcke, R. (ed.), *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores in Folio*. Hannover. T. IX, pp. 239–298.

Malaterra, G. 1928. De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardi ducis fratris eius. *Rerum Italicarum scriptores. Raccolta degli storici italiani*. T. 5. Bologna.

Orderici Vitalis angligenae coenobii Uticensis monachi. *Historia Ecclesiastica*. 1855. In Migne, J. P. (ed.), *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina*. Paris: Garnier Frères. T. 188, pp. 17–984.

Radolfus Cadomensis. *Gesta Tancredi principis in expeditione Hierosolyminata*. 1854. In Migne, J. P. (ed.), *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina*. Paris: Garnier Frères. T. 155, pp. 189–590.

Romualdi Salernitani Chronicon [A.m. 130 – A.C.1178] a cura di C. A. Garufi. *Rerum Italicarum scriptores*. Città di Castello, 1914. T. VII.

[Ugo Falcando] *La Historia: o liber de regno Sicilie e la epistola ad Petrum Panormitane ecclesie thesaurarium* / a cura di G. B. Siragusa. *Rerum Italicarum scriptores*. Rome: Forzani, Tip. del Senato, 1897.